

УДК 316

История жизни и опыт
поколения бабушек и дедушек
в интерпретации современных
студентов (на примере студентов
ЯГПУ, обучающихся
по специальности
«Социология»)

Е. В. Михайлова

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского

E-mail: nmev649@mail.ru

Научная статья

Статья посвящена проблеме передачи ценностей внутри семьи во взаимодействии двух поколений: 20-летних внуков и их бабушек и дедушек. Статья основывается на результатах двухэтапного качественного исследования, в котором приняли участие студенты 3-го курса ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, обучающиеся по специальности «Социология». Через анализ жизненных историй информантов старшего поколения сделана попытка выявить комплекс проговариваемых и непроговариваемых ценностей, которые старшее поколение пытается передать младшему.

Ключевые слова: поколение; молчащее поколение; ценности; семья; история жизни; жизненная стратегия; нарратив

History of life and experience
of the grandfathers' and
grandmothers' generation through
the interpretation of the present-
day students (using as an example
the YSPU students' interpretations,
major in "Sociology")

E. V. Mikhailova

Yaroslavl State Pedagogical University named after
K.D.Ushinsky

Scientific article

Article is devoted to a problem of transfer of values in a family in interaction of two generations: 20 summer grandsons and their grandmothers and grandfathers. Article is based on results of a two-stage qualitative research in which the students of the 3rd course YaGPU of K. D. Ushinsky studying in «Sociology» participated. Through the analysis of life stories of informants of the senior generation the attempt to reveal a complex of the pronounced and not pronounced values which the senior generation tries to give to younger is made.

Keywords: generation; the silent generation; values; a family; a life story; strategy of life; a narrative

Традиционные российские ценности, их содержательная интерпретация являются широко обсуждаемой темой в актуальной социальной риторике, выступают они и как направление научного поиска социальных и гуманитарных наук. В качестве носителей и трансляторов традиции могут выступать различные социальные институты, среди которых важнейшую роль играют институты первичной социализации, прежде всего семья. В данной связи интерес для исследования могут представлять те содержательные элементы жизненного опыта старшего поколения (на примере конкретных семей), которые могут рассматриваться как передаваемые ценности. Можно предположить, что часть таких ценностей проговаривается в форме внятных высказываний, а часть может имплицитно содержаться в рассказах представителей старшего поколения о своей жизни и специально не проговариваться.

Для цитирования: Михайлова Е. В. История жизни и опыт поколения бабушек и дедушек в интерпретации современных студентов (на примере студентов ЯГПУ, обучающихся по специальности «Социология») // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 2. С. 161–168

For citation: Mikhailova E. V. History of life and experience of the grandfathers' and grandmothers' generation through the interpretation of the present-day students (using as an example the YSPU students' interpretations, major in "Sociology"). *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2017; 3 (2): 161–168. (in Russ.)

Целью настоящего исследования стало выявление и описание транслируемых старшим поколением ценностных ориентиров, которые можно условно разделить на ценности «первого порядка» - внятно проговариваемые, и ценности «второго порядка» - не проговариваемые, являющиеся самостоятельным выводом слушателя истории жизни. Важным представлялось и соотнесение ценностей первого и второго порядка, анализ возможных противоречий между ними.

Практически бесспорный тезис современных социальных и педагогических наук – констатация обесценивания жизненного опыта предшествующих поколений – родителей, бабушек, дедушек для современных подростков и молодежи. Отказу от опыта старших поколений способствовали такие факторы, как стремительное развитие технологий и технологическое отставание представителей старших возрастных групп, широкая доступность информации (старший больше не является уникальным носителем знания), изменение социально-экономической и политической ситуации. Интересным представляется оценить, имеет ли место нивелирование опыта старшего поколения внутри семьи, в каких ситуациях от этого опыта предпочитают отказываться, а в каких продолжают принимать во внимание.

В контексте рассматриваемой темы достойным упоминания представляется феномен «молчащего старшего поколения», на который указывали, описывая взаимодействие поколений в советский и постсоветский периоды, отечественные писатели, антропологи, социологи, социальные историки. В современной российской литературе о «молчащем поколении» говорит Л. Е. Улицкая, характеризуя людей, рожденных в дореволюционной России, переживших сталинский террор. Представители «молчащего поколения» предпочли не рассказывать своим детям и внукам о своем детстве и юности, родительской семье, не делиться собственными страхами и переживаниями [1]. Социальный антрополог и фольклорист С. А. Адоньева выявила тот же феномен в русской крестьянской культуре XX века. В работе «Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины» С. А. Адоньева описывает осознанный и прагматичный отказ крестьянок (родившихся до 1916 года) от передачи своим детям и внукам такого жизненного опыта, тех ценностей и устоев, которые вступили в очевидное противоречие с новой социальной реальностью [2].

В отечественной интерпретации теории поколений как «молчаливое» характеризуется поколение людей, рожденных с 1923 по 1943 гг. [3]. Согласно этой теории, люди определенной возрастной группы склонны разделять особый набор убеждений, ценностей и моделей поведения, поскольку росли в одинаковых исторических условиях [4]. Портрет определенного поколения не является целью данного исследования, однако его сопутствующей задачей стала попытка обнаружить воспроизводство феномена молчания и выявить конкретные «зоны умолчания» в диалоге старшего и младшего поколений.

Настоящее исследование было выполнено совместно со студентами 3-го курса исторического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (специальность «Социология»). Исследование представляло собой серию практических учебных заданий, которые студенты выполняли в рамках освоения курса «Методология и методы социологических исследований» по теме «Биографический метод» в декабре 2016 года. На первом этапе исследования студенты получили задание взять нарративное интервью у своих бабушки или дедушки, используя базовую схему нарратива, предложенную А. Шютцем [5]:

1. Нарративный импульс и свободный нарративный рассказ.
2. Фаза нарративных расспросов.
3. Заключительная часть интервью – «фрейм».

Нарративный импульс представлял собой просьбу рассказать о своей жизни без специального запроса, касающегося какой-либо темы или события.

Интервью транскрибировалось студентами, затем они проводили плотный анализ текста интервью.

Вторым этапом исследования стало полуструктурированное интервью с самими студентами; целью интервью стало проговаривание и осмысление опыта поколения бабушек и дедушек.

В исследовании приняли участие 17 студентов в возрасте 19–20 лет (было получено 17 нарративных интервью), все они, за исключением одной студентки, брали интервью у своих бабушек, интервью с бабушкой только одно.

Информанты старшего поколения, принявшие участие в исследовании – бабушки и дедушки студентов, – родились в СССР в период с 1931 по 1957 гг. Если принимать во внимание периодизацию поколений, предложенную в рамках российской интерпретации теории поколений, это «молчаливое поколение» (1923–1943 гг. рождения) и «беби-бумеры» (1943–1963 гг. рождения). Поколению «беби-бумеров» свойственны оптимизм, достижительная мотивация, уверенность в собственных силах и одновременно коллективизм. Послевоенное поколение «беби-бумеров» росло в атмосфере надежд и веры в лучшее будущее.

Событийное содержание нарративного рассказа информантов старших поколений, его смысловая и эмоциональная акцентуация оказались удивительно схожими: все они подробно, красочно описывали свое военное и послевоенное детство в деревне; юность в городе; период зрелости все описали достаточно скупой, упоминая лишь основные факты своей биографии: вступление в брак, рождение детей, место работы, получение квартиры и т. д.

Обращает на себя внимание тот факт, что такие переломные периоды в жизни нашей страны, как перестройка и 1990-е годы, вообще не упоминались в большинстве рассказов; об этом времени говорили лишь трое информантов. В первом случае (женщина 1950 года рождения) о перестройке и «лихих» 1990-х говорится как о трудном, но счастливом времени – начале новой, более обеспеченной и интересной жизни, во втором (женщина 1943 года рождения) – как о периоде потери достигнутого социального статуса: информант лишилась работы. В третьем рассказе (информант – женщина 1941 года рождения) присутствуют воспоминания о тяготах 1990-х: *«Все выдавалось по карточкам, огромные очереди были и деньги обесценились».*

Наибольший объем в нарративных рассказах информантов отведен детству и юности. Возможно, такой крен объясняется как возрастными особенностями памяти, так и желанием бабушек представить своим внукам рассказ, релевантный их детскому и юношескому жизненному опыту.

В каждом рассказе о детстве в деревне на первый план выступает тема крайне тяжелых условий жизни в тот период, голоде, тяжелом труде:

«Родилась я в Князеве, только я родилась, мне было шесть месяцев, началась война. Отца забрали в армию, на войну. Ну и мама воспитывала, был еще братик, он старше меня, с 1939 года. Мама нас воспитывала, с семи лет ходили в поле, кошить лен. Ходили в лес по ягоды, ягоды продавали на базаре, чтобы выжить. Был очень тяжелый, голодный 1947 год. Была еще у нас коза. Козочку держали, вот еще за счет козочки жить можно было, выживать. Дак и покосить-то нигде не давали, жизнь тяжелая была, детства не было у нас. Мы не гуляли вот так, как сейчас детки гуляют. Мы то в лесу, то рыбу ловили, в общем, что-то продадим. Пойдем в город за хлебом, стоим целый день в очереди и приходим без хлеба. Ну, жизнь двигалась, шла, мы росли, потом стало лучше и лучше».

«Я родилась в деревне Ананьино Ярославской области в 1952 году. В 8 лет пошла в школу. Ходила в школу 3 километра туда и обратно по бездорожью, возили иногда нас на санях, на лошади, иногда мы ездили на лыжах. И в пургу и в метель все ходили пешком. Ну, я тут отучилась 4 класса. После пошла в 5 класс. А в 5 класс ходила уже по 6 километров. Весной, конечно, было очень трудно ходить – разливалось все, снимали сапоги и голыми ногами переходили и реку, и все лужи». *«Детство мое прошло не очень хорошо, так как из-за войны даже еды нормальной не было. Приходилось есть крапиву, был жуткий голод. Помню, как мама постоянно переживала, что я задерживаюсь в школе, и меня за это ругала, так как ей надо было помогать по хозяйству»* (информант – женщина 1941 года рождения).

Эмоциональный окрас у рассказов о тяжелом детстве в деревне разный. В большинстве рассказов ощущается радость и ностальгия по детству: по деревенской природе, играм, дружбе. Информант 1941 года рождения, детство которой прошло в селе Пречистое Ярославской области, вспоминает: *«Из детства помню яркие моменты, улицу. Гуляли с подружками, зимой катались на санках, лыжах».* *«Все смеялись, радова-*

лись, вообще было счастливое детство» (информант 1950 года рождения, детство провела в Вологодской области). Информант 1952 года рождения, родилась в Ярославской области: *«Вообще, мне кажется, раньше было лучше. Интереснее. Вот даже детство – раньше и мальчишки-то были дружелюбнее, не то, что сейчас школьники. Правда. И на коньках катались, и в лапту играли, и в волейбол. Идем раньше из школы по речке, речка-то вообще была широкая, и лед такой чистый. Мы ляжем на лед, смотрим, кто там под ним на дне плавает. На рыбок смотрели, какие рыбки плавают»*. Информант 1957 года рождения, родом из Костромской области: *«В летние каникулы все купались в реке Волга, загорали, мальчишки ловили рыбу, ракушки. Ты что, знаешь, как интересно было! В старших классах в вечернее время собирались на берегу у костра, пели песни под гитару, парни играли. Ходили в кино, на танцы, приезжали или приходили девчонки и мальчишки из соседних деревень»*.

В некоторых рассказах период детства безрадостный, даже страшный:

«Родилась я в деревне Кузьминово в 1936 году. Было у нас в семье 7 детей: 5 девочек и 2 мальчика. Мальчики померли. Они померли. Осталось нас вот пятеро. Потом началась в 41-м году война. Отца взяли на войну. С войны пришел инвалидом. Дали 1-ю группу. 10 лет лежал. Жили в войну плохо. Собирали соски. Это клевер. Собирали клевер, мама пекла кое-чего из чего-нибудь».

«Детство наше выпало на военные годы. Я родилась в 1938 году в деревне Каравеево как раз перед войной. Папу своего я даже не помню, он ушел на войну в самые первые дни. Погиб он в 1942 году под Старой Руссой. Детство наше было тяжелое, годы голодные, есть было нечего. Нас в семье было трое, старший брат и младшая сестра. Про брата я ничего не знаю, а сестра умерла в 1941 году от воспаления легких. Заболела она в садике, у них там окна открывали часто и о детях почти не заботились. Лечения во время войны не было никакого, я и сама чудом осталась в живых».

Первый вариант характерен для информантов, родившихся в деревне в послевоенное время и в юности перебравшихся в город. Второй вариант – для тех, кто родился в довоенное и военное время и всю жизнь провел в деревне. Возможно, само представление о счастливом «золотом» детстве как о норме было усвоено информантами уже в период их жизни в городе.

Тяжелый, грязный, изматывающий труд взрослых членов семьи, обязанность помогать им с ранних лет описаны в большинстве рассказов.

«Моей маме было тяжело одной, ее везде гоняли: то на лесозаготовки, то на лесопилку. Мама работала и на ферме, чтобы заработать какие-то деньги» (женщина 1938 года рождения, в войну лишилась отца).

«Старшая сестра Нина после войны стала работать в колхозе, был колхоз, она и пахала, и боронила, все делала. Всю мужскую работу делала она» (женщина 1936 года рождения, отец вернулся с войны инвалидом).

«Ну, также мы как дети маленькие все равно помогали родителям, чем могли. Даже вот мне приходилось. Я вот ходила в начальные классы, у нас в семье, я не сказала еще, было пятеро детей. Я была самая старшая. Еще две девочки и два мальчика. И родители держали скотину. Была у нас корова, и поросенок – это каждый год, и куры. У нас было свое молоко, мясо, яйца, и в основном у нас, конечно, питание было за счет своего, как говорится, бюджета. Родители работали на физических работах. Отец работал все время на строительстве зданий, на пилорамах. Матери приходилось работать дояркой и даже ездить самой на лошади» (женщина 1950 года рождения, родилась в Вологодской области).

Тяготы жизни в деревне, наблюдения за судьбой своих родителей привели большинство информантов к решению о переезде в город.

«Почему не остались в деревне? – Дед не хотел сидеть в деревне. Мы оба работали в колхозе, а там зарабатывали трудоднями, а нам хотелось зарабатывать деньгами. Дед хотел мотоцикл купить. Молодежь вся поехала в город, и мы решили. Работы мало, а муж хотел быть шофером. И еще хотелось жить отдельно, попробовать себя» (женщина 1931 года рождения, переехала в г. Углич из Угличского района после замужества).

«Почему же ты решила переехать в город? – Надо учиться было, и работать... Устраивать жизнь. Где бы я осталась там? В колхозе? Я всегда хотела, как все, уехать из

деревни» (женщина 1957 года рождения, переехала из Костромской области в г. Ярославль, окончив среднюю школу в деревне).

Некоторые информанты отмечали, что начинали рационально строить свою жизнь с детства, вопреки неблагоприятным обстоятельствам. «Пропуском» в другую жизнь для многих стало образование: *«Ты на протяжении всего интервью упоминала, что очень хотела учиться. Было тяжело учиться в твоё время? - Мама даже отговаривала, света у нас в деревне не было, деревня на отшибе была. Вот 800 метров до школы начальной ходить надо было, а потом и вообще 6 километров идти. А что учиться? Мама даже керосин жалела, я даже с фонариком читала. Просто у меня память хорошая, я очень внимательно слушала на уроках. И засветло, вот приходили и сразу, раз-раз пока светло – нужно все успеть сделать. У меня было стремление учиться»* (информант 1947 года рождения, поступила в техникум в г. Ярославле после окончания деревенской восьмилетки).

Примечательно, что переезд в город все информанты оценивают как единственно верный шаг: так думают и те, кому удалось перебраться в город, так и те, кто остался в деревне. *«Если бы у тебя была возможность вернуться назад, ты бы изменила что-нибудь? – Все бы вернула теперь назад, вроде бы по-другому стала жить. Изменила бы я что-нибудь в своей жизни? – Конечно, вот я уехала в Ярославль после 7-ми классов, работала в няньках, там бы меня прописали. Может быть, я и устроилась бы в городе, может быть, там и жила, но мне вот захотелось домой, в родную деревню»* (информант 1939 года рождения).

В контексте передачи ценностей от старшего поколения к младшему внутри семьи важным представляется разговор об успешных или проигрышных жизненных стратегиях, которые обозначили в рассказе о своей жизни представители старшего поколения.

Информант 1936 года рождения, всю жизнь проработавшая в колхозе, рассказывает: *«Вот эдак и жили все и работали до укладу рук. Мешки-то эдакие таскали с Капой с Лебедевой, я ей пособляла, 2 тонны в день свозила, ее выхвалили, а я-то и ни при чем, я-то как кладовщик дак. А покой ей было помогать-то – не знаю. Дак вот и надсадилась вся в кладовщиках». Она же вспоминает: «Дак вот сроду не забыть, царствие небесное Катерине Спиридоновне, свезем 4 телеги навозу-то с утра-то с раннего еще, придем туды, Катерину зовут обедать, а нам было жалко ее, мы за нее все и делали. Вот такие дураки-то».*

«Горожане» описывают различные варианты успешных с их точки зрения жизненных стратегий, основанных на рациональном выборе и приоритете личных интересов: *«12 лет проработала на Моторном заводе, 2 года контролером в цехе и 10 лет технологом, после чего перешла на завод «Синтетический каучук» аппаратчиком, мне был тогда 31 год. Мотивацией к тому был наглядный пример моей мамы, которая была больным человеком и очень тяжело дорабатывала до пенсии»* (Информант – женщина 69 лет, досрочно вышла на пенсию).

Еще один пример рационального отношения к работе: *«Я в Госбанк пошла работать, а Евгений пошел в шахту работать, и как он устроился в шахту, так всю жизнь там отработал, 34 года. Я потом перевелась в Госстрах, поскольку родился второй еще сын, нужно было находить время. А в Госстрах пошла, потому что время ненормированное. Можно было и утром работать, и вечером. И так я в Госстрахе отработала 19 лет, в те времена страхование было развито очень в нашей стране, все страховали, зарплаты были очень хорошие»* (информант – женщина 69 лет).

В некоторых рассказах описываются рациональные и инициативные «женские» стратегии замужества: *«Мой муж выпивал, очень часто... Я не могла этого выносить, тем более у меня был ребенок маленький, я очень переживала... Ну вот... Я развелась. И пришлось мне уехать из этой деревни в воинскую часть. А в воинскую часть я попала – там у меня жила сестра, муж у нее был военный. И я решила устроить судьбу подальше от тех мест, чтоб меньше мне все напоминал, и меньше встречаться с бывшим мужем. Ребенок, конечно, один год прожил с моей мамой, потому что мне некуда было его еще определить. Вот устроилась я в воинскую часть, работала в штабе. Вела бухгалтерский учет вещевого склада, выписывала солдатам накладные, они получали разное обмундирование. И я делала отчеты, и в общем работала все время там. Конечно, по ходу моей работы у меня были и награждения, благодарственные письма за честный и добросовестный труд.*

Ну, проработав там больше года, я потом вышла замуж. Нашелся у меня любимый друг, человек, муж. Вот, и мы с ним связали судьбу» (информант 1950 года рождения).

Неожиданностью стало то, что ни один информант в фазе нарративного рассказа не воспроизвел ни одной идеологемы советского периода, что опровергает расхожее представление о «зашоренности» старшего поколения и его приверженности коммунистическим идеалам. Единственное исключение – страх перед войной, который, скорее всего, укоренился у информантов еще с советских времен. В нескольких интервью содержится пожелание молодому поколению «лишь бы не было войны», «мирного неба над головой», «радуйтесь тому, что нет войны в России».

В качестве внятно формулируемых и проговариваемых ценностей, транслируемых старшим поколением, можно отметить ценности семьи, брака, основанного на взаимном уважении, стабильной работы. «А какое достижение в своей жизни ты считаешь самым главным? – То, что вырастила шестерых детей, четыре дочки и два сыночка. То, что работала швейей в селе своем, а когда переехала в Ярославль, устроилась токарем на Моторный завод» (информант 1941 года рождения, детство и юность провела в поселке Пречистое).

В жизненной ситуации информантов семья становится крайне важной как источник помощи и заботы, на который они рассчитывают. Все информанты жалуются на реалии отечественного медицинского обслуживания, столкновение с которыми заставляет их чувствовать себя беспомощными и уязвимыми. «Как старость сейчас воспринимается в современном обществе? Как к старикам относятся в тех же медучреждениях? – Как относятся... Конечно, врачи относятся плохо, я недовольна, потому что придешь к врачам, я там говорю, что у меня болят ноги. Мне отвечают: «А что ты, бабушка, хочешь, дожила до 85 лет и хочешь, чтобы у тебя ноги ходили? Живи как есть» (информант 1932 года рождения, проживает в Ярославле).

Все информанты, говоря о своей работе до того, как вышли на пенсию, подчеркивали, что старались работать добросовестно, упоминали, что неоднократно награждались благодарственными письмами и грамотами «за честный добросовестный труд». Многие отмечали, что работа им нравилась. В то же время мотив работы как профессионального призвания, сферы личностной самореализации присутствует только в одном рассказе. «О том, что мне педагогика нужна, я поняла еще в детстве. За мной все время малышня бега, что-то просили помочь. В Соколе проучилась три года, тоже вела активную общественную жизнь, ходила в разные кружки. Пробовала и драмтеатр, который был в училище. И ходила в танцевальный кружок, на бальные танцы, и пела, и училась. Не знаю даже, вот сейчас бы я даже не могла понять, как все это успеть» (информант 68 лет, родилась в Вологодской области, работала воспитателем детского сада в районном центре, организовывала утренники в детском саду, активно участвовала в народной самодеятельности).

Поражает разница в восприятии собственной биографии у информантов, родившихся в деревне и сумевших адаптироваться в городе, и тех, кто остался в деревне.

Первые, несмотря на пережитые трудности и лишения, считают свою жизнь скорее успешной и счастливой:

«Я прожила хорошую жизнь, были трудности, конечно, но все позади. Сейчас наступил период стабильности» (информант – женщина 66 лет, вдова, пенсионер, по профессии – инженер-строитель).

«Прожив свою жизнь, ты можешь сказать, что она была счастлива? – Для меня? Да, я была очень счастлива - и работой была довольна, и детьми своими довольна. Сейчас внуки у меня. Я довольна. И с мужем прожила очень хорошо. Семейей я довольна, только детство прожила я во время войны, было плохо, даже в деревне мы ловили немцев двух, летчиков» (информант – женщина 85 лет, вдова, работала крановщиком).

Вторые оценивают прожитую жизнь как несчастливую, тяжелую, «беспросветную», возникает впечатление, что они чувствуют себя обманутыми.

«Бабушка, скажи, прожив такую тяжелую жизнь, считаешь ли ты свою жизнь счастливой? – Да нет, не считаю я свою жизнь счастливой». Этому диалогу 76-летней бабушки и внучки предшествовал рассказ бабушки: «...После 7-го класса я поехала в няньки в Ярославль, водилась с двумя девочками там, ну все равно недолго я там была, захотелось домой, в родную деревню. Поняла, что буду дома работать в колхозе, в

колхозах к тому времени стало налаживаться, вот так и стала выживать. Ничего стало так уже. В 18 лет вышла замуж, родила двоих детей. В 40 лет овдовела. Была и баба, и мужик, на мне была вся забота. Держала свою скотину, коровушку, теленка, и работала на ферме. 30 лет отработала на ферме, да на телятнике, наверное, годов 10, все вместе стажу у меня 41 год. Было тяжело, конечно, носили сено, руками доили, уж после сделали автоматическую дойку. Вот такая моя жизнь». «...Дожила до 76 годов, здоровья ничего нет, у меня разрушился весь сустав тазобедренный, нога не ходит. У меня диабет, онкология, желчнокаменная болезнь. Ой, у меня все болезни, но инвалидности у меня нет. Инвалидность надо хлопотать, надо ездить, а как ездить и на что ездить, ведь надо на все и везде деньги». «...Здоровье худое сейчас, не знаю, как уж доживу». Информант 1936 года рождения с похожей судьбой делает аналогичный по содержанию вывод: «Мы хорошего в жизни ничего не видали. Ничего решительно. Вот не вспомнить ничего хорошего».

Обратимся к тому, как восприняли и оценили жизненный опыт поколения своих бабушек и дедушек студенты. Характеризуя их историческую судьбу, «миссию», студенты отметили «восстановление разрушенной после войны страны». Многие оценили жизнь поколения бабушек и дедушек более приземленно, говоря о «выживании любой ценой», «необходимости «поднять» детей без мужа, поддержки с чьей-либо стороны».

Студенты указали на такие черты старшего поколения, как трудолюбие, стремление поддержать друг друга, забота о своей семье, бережливость, упорство, воля, доверчивость к людям и доброта. Некоторые отметили способность своих бабушек «радоваться жизни и вообще тому, что есть».

Самым тяжелым периодом в жизни своих бабушек и дедушек студенты считают «голодное, трудное детство и юность»; некоторые указали «период распада СССР и 1990-е годы». То, что воспринято внуками как самые тяжелые периоды в жизни своих бабушек и дедушек, не всегда совпадает с периодами умолчания в их рассказах. Вспоминая о событиях и жизненных периодах, о которых их бабушки не говорили или говорили крайне неохотно, студенты отметили, что это период зрелости, в котором были и «мрачные, тяжелые события», «неудачный брак и несчастливая семейная жизнь». Для большинства периодом умолчания стали перестройка и 1990-е годы. Некоторые информанты, как указали студенты, предпочли не рассказывать об истории своей семьи: не называли имена своих родителей, не рассказывали об их судьбе. «Бабушка не хотела говорить о том, что ее отец был в плену, что некоторые родственники были в тюрьме», «не знаю, почему семья моей бабушки переехала из Дагестана в глухую деревню в Ярославской области».

Отвечая на вопрос о том, были ли у поколения их бабушек и дедушек какие-либо преимущества по сравнению с ними, лишь четверо из семнадцати студентов, принявших участие в исследовании, указали, что никаких преимуществ не видят. Большинство ответивших утвердительно на этот вопрос отметили, что видят жизнь своих бабушек и дедушек в молодости и зрелости более спокойной и размеренной, отношения между людьми более открытыми и доброжелательными: «в те времена существовали настоящая любовь и дружба», «у них было «живое общение», «если сравнивать с современным поколением, которое большую часть времени проводит в интернете».

Многие сравнивали жизненные условия двух поколений и сожалели, что «теперь нельзя получить квартиру от государства»; некоторые пришли к выводу о целесообразности системы распределения после окончания ВУЗа, «чтобы не испытывать трудностей с поиском работы».

Студентам задавался вопрос о принципах, ценностях, убеждениях старшего поколения, которые он считает отжившими. Большинство указало на консерватизм, который демонстрируют их бабушки и дедушки: «привычка все оценивать с консервативной точки зрения», «консерватизм взглядов на отношения, одежду, поведение». Несогласие молодого поколения вызывает принцип «выйти замуж один раз и навсегда», нетерпимость к добрым отношениям и гражданскому браку. Некоторые описали как смешную и курьезную привычку своих бабушек «запасать продукты на год вперед». Значительна дистанция между поколениями в сфере техники, современных средств связи, пользования интернетом: «Они (старшее поколение) слабо адаптируются к различным изменениям в

современности, но учитывая то, как они жили раньше, новые технологии удивляют их гораздо больше».

В то же время многие студенты отмечали, что им неоднократно приходилось пользоваться советами, опытом своих бабушек «в личной жизни и по хозяйству»; прислушиваться к тем оценкам, которые они давали их новым друзьям и знакомым.

Обобщая, можно отметить, что первый уровень ценностей – ценности, внятно артикулируемые представителями старшего поколения, – представлен вполне ожидаемым набором, главными в котором являются ценности семьи и работы. Проговариваемое молодому поколению напутствие строится на основе этих двух составляющих: «*чтобы работали, учились, любили и были любимыми*». В ряду важных проговариваемых ценностей – добросовестный труд и получение образования.

Анализируя содержание рассказов представителей старшего поколения в ряду непроговариваемых ценностей, можно обнаружить такие, как прагматичное и рациональное отношение к жизни, личная ответственность за свою жизнь, инициативность. Рассказывая о своей жизни, бабушки и дедушки призывают внуков всегда «думать своей головой», не забывать о своих личных интересах, занимать активную жизненную позицию, действовать, а не ждать.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что информанты, рассказывая внукам о своей жизни, говорили далеко не все, цензурировали свой рассказ в интересах слушателя. Внутренней конструкцией, смысловым стержнем таких рассказов, помимо индивидуальной судьбы рассказчика, является представление информантов о том, в чем должна выражаться связь и преемственность поколений, что желательно, а что ни в коем случае нельзя передавать своим внукам. Как представляется, исходили они из вполне понятной установки: «*хотелось бы, чтобы вы (внуки) не испытали таких тягот, которые испытали мы. Чтобы Вам жилось легче!*».

Ссылки / Reference

- [1] Детство 45-53. А завтра будет счастье / Сост. Л. Е. Улицкая М., 2013.
- [2] Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М., 2016.
- [3] Шамис Е., Никонов Е. Самое дорогое. Что стоит знать о ценностях поколений. URL: <https://rugenations.su/2016/09/12/самое-дорогое-что-стоит-знать-о-ценно/> (дата обращения: 25.02.2017).
- [4] Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584–2069. New York: William Morrow and Company, 1991.
- [5] Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических следованиях // Социология: 4 М. 1993-4. № 3-4. С. 34-43.